

В.П. Демушкин

* * *

Чем дольше я живу, тем чаще приходит в голову мысль, что окружающая среда и происходящие события (иногда даже случайные) на долгие годы определяют твою судьбу.

Моя мама работала бухгалтером. Приходя домой с работы, она часто продолжала работать допоздна и даже по ночам. Счеты навсегда вошли в меня как первый вычислительный инструмент. Мне доставляло огромное удовольствие щелкать костяшками; сейчас я точно с таким же удовольствием стучу по клавишам, работая на компьютере. А как она ругала деньги, часто мешающие нормальным человеческим отношениям! Ведь именно человеческие отношения в той среде, где ты работаешь и живешь, – самое главное в жизни.

Папа был начальником вооруженной охраны и во время войны охранял склады с химическими веществами и средствами защиты. Так что химические корни у меня были, но я о них узнал только через много лет, уже работая в ИХПС. После войны папа работал начальником охраны в Театре киноактера, и я часто смотрел там спектакли, либо сидя в зале, либо находясь за кулисами. Потом, во взрослой жизни, участвуя в многочисленных капустниках и прочих представлениях, я часто вспоминал об этом – судьба.

Брат после войны вернулся из плена истощенным, сломал ногу и долго болел. Я его очень любил и поэтому решил после школы учиться на врача. Но жизнь распорядилась по-другому.

В классе я впервые ощутил, что такое коллектив, как он может быть сплочен. Каждый в классе был готов помочь одноклассникам и едой, и советом, и защитить от дворовых хулиганов. Хотя в школе мы тоже в чем-то хулиганили. Запомнились две формы хулиганства –

пропуск уроков (здесь все были единым коллективом) и срыв уроков. Уроки срывали гуманным образом, так чтобы учителям не к чему было придраться. Меня выбрали ответственным за срыв уроков химии. Пришлось стать любопытным мальчиком, углубиться в химию больше, чем это было необходимо по школьной программе, и на каждом уроке задавать вопросы учителю. Задание коллектива я выполнил успешно: учительница очень часто не могла ответить на мои вопросы, и дело иногда доходило до слез. До сих пор чувствую свою вину и, пользуясь случаем, прошу ее меня простить.

Но одноклассникам удалось подшутить и надо мной. Однажды кто-то, едуци на занятия в парашютный кружок в Раменки мимо МГУ, увидел объявление о предстоящей химической олимпиаде для школьников. «Раз ты такой химик – поучаствуй в олимпиаде!» – таков был приговор одноклассников. Каково же было мое и их удивление, когда я занял второе место и получил первую в жизни награду – диплом победителя и книгу по химии Товия Ловица.

Пришлось пойти учиться на химфак МГУ – судьба. Чтобы химия глубже в меня входила, занимался не только ею, но и спортом, самодеятельностью и поднятием целины.

Во время моей учебы в МГУ была организована кафедра химии природных соединений (заведующий кафедрой – З.А. Шабарова), и я, благодаря Сергею Соколову, моему первому наставнику на химфаке, оказался в числе первых студентов и выпускников этой кафедры и был распределен в ИХПС АН СССР.

О встрече с будущим руководством в лице заместителя директора Института, руководителя Лаборатории химии углеводов и нуклеотидов Николая Константиновича Кочеткова всегда вспоминаю, как об одном из счастливых дней в моей жизни. «Чем бы вы хотели заниматься?» – спросил Н.К. Мои коллеги-студенты в один голос заявили, что хотят заниматься НК – нуклеиновыми кислотами (тогда это было очень модно). Когда очередь дошла до меня, я сказал, что солидарен с коллегами, но хотел бы заниматься химией, а химией каких соединений – решать Учителю, коль скоро я пришел учиться. Не знаю почему, но именно меня направили «химичить» с НК. Моими непосредственными руководителями стали Эдуард Израилевич Будовский и Владимир Николаевич Шibaев.

Шеф был уникальным человеком. Никогда никого не унижал, не подавлял личность (даже если у нее были недостатки), но мягко управлял ее развитием в нужном направлении и поощрял самостоятельность. Он создал необыкновенный коллектив. Лаборатория для всех нас была вторым домом, источником счастья, человеческой любви и любви к выбранной профессии.

Чтобы добиться результатов, сотрудники Лаборатории делали все возможное, а порой даже невозможное. Помню, самый яркий пример продемонстрировал Миша Грачев. Для работы ему вдруг потребовался псевдоурин, которого в Лаборатории не было. Что сделал Михаил? Он поставил в мужском туалете на РАУССИП (читай наоборот) колонку, способную адсорбировать псевдоурин, и попросил всех мужчин на этаже пользоваться новым оборудованием – РАУССИП с колонкой – и обязательно промывать колонку водой. Если бы существовал лабораторный исторический музей, этот прибор занял бы в нем достойное место.

Все в Лаборатории очень много работали, и хотя хорошо знали, что, например, рабочий, водитель автобуса или метро зарабатывает намного больше, чем ученый, никто не хотел бросать увлекательное занятие – «химичить». Правда, о материальной поддержке семьи никогда не забывали – во время отпуска ездили подрабатывать кто куда. Помню поездку в Якутию со стройотрядом на строительство жилых домов. В отряде было 35 человек (из Лаборатории там были я и Евгений Свердлов), из них два доктора наук, а все остальные – кандидаты. Когда становилось совсем уж туго, на год или два уезжали работать за границу, но практически все после этого возвращались в Лабораторию.

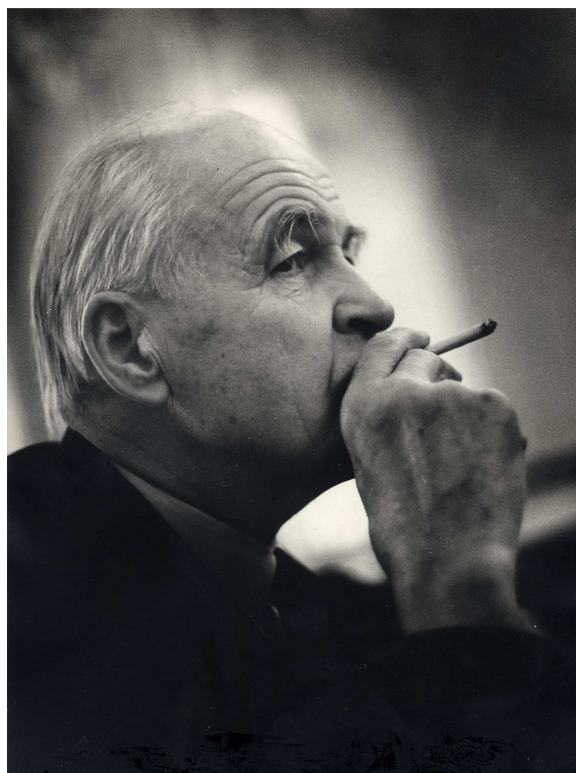
Хотя на материальное положение никто не жаловался, шутили на эту тему постоянно. Юмор в Лаборатории всегда помогал и в работе, и в жизни. Главным юмористом и объектом юмора, конечно, был Шеф. Реакцию Шефа на юмор всегда можно было заметить, хотя он никогда не хохотал (даже в этом он был сдержанным человеком).

Шеф искренне любил науку и никогда не боялся начинать новое дело. От с легкостью отказался от классической органической химии и начал активно развивать химию малоизученных в то время углеводов, нуклеотидов и их полимеров. Сотрудники верили ему и охотно шли за ним, несмотря на то, что у многих были очень заманчивые предложения со стороны – быстрая защита, успешная карьера и т.д. Свидетельством того, что Шеф всегда шел в ногу со временем, является то, что его работы, выполненные в СССР, до сих пор широко цитируются. Мне приятно, что наша статья, посвященная синтетическим аналогам УДФ-глюкозы (N.K. Kochetkov, E.I. Budowsky, V.N. Shibaev, G.I. Eliseeva, M.A. Grachev, V.P. Demushkin, *Tetrahedron*, 1963, v. 19, p. 1207), имеет на 2007 год индекс цитирования 46.

Семью и работу Шеф считал самым важным в жизни и отдавал им свою любовь. Мы все это видели. Сотрудники Лаборатории были для него, как члены семьи, и он часто приглашал нас к себе домой.

Шеф никогда не был карьеристом и, что самое удивительное, не был членом КПСС, хотя в Лаборатории члены партии были. Вступать в партийные ряды он никому в Лаборатории не мешал. Однажды пригласили вступить в партию и меня. На вопрос о том, почему меня и зачем, сказали, что я достоин и смогу успешно бороться с имеющимися еще у нас в стране недостатками. За первое я поблагодарил, а по поводу второго сказал: «Да, я иногда борюсь с недостатками (достаю у друзей отсутствующие реактивы, чиню, когда нужно, лабораторное оборудование и т.д.), но если я начну бороться с ними, выйдя из дома, то не смогу попасть в этот день на работу. А я очень люблю свою работу». Видимо, последний аргумент для комиссии оказался весьма весомым, и меня в партию больше не приглашали. Внутренне я был горд тем, что я, как и Шеф, беспартийный. Следует отметить, что моя беспартийность никогда не служила поводом не рекомендовать меня для поездки за рубеж на конференции и в научные командировки.

Я счастлив, что целых 4 года находился в чудесном коллективе и, хотя потом работал среди людей и в других местах, в том числе и в «психушке» (Всесоюзный научный центр психического здоровья), такой теплой человеческой среды, искренней дружбы и поддержки в трудные моменты жизни мне больше встречать не приходилось. Огромное спасибо всем сотрудникам Лаборатории, с которыми мне довелось вместе работать и жить!

Н.К. Кочетков